

И. С. Герасимова

СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ СВЯЗНОСТИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ УДОСТОВЕРИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

65

Представлены результаты анализа средств организации когезии в документах разных жанров общей функциональной направленности. Материалом исследования служат расписки и паспорта середины XVIII в., хранящиеся в фонде «Михайловский станичный атаман» Государственного архива Волгоградской области. Установлено, что тексты расписок и паспортов имеют различия в наборе средств обеспечения связности текста. Выявлено, что в расписках когезия реализуется посредством использования анафорического местоимения и дейктических средств, что обеспечивает ретроспекцию текста; специфическим средством когезии является повтор именованных ответственных лиц в начальной и конечной речевой формуле. Показано, что в паспортах когезия реализуется лексическими повторами, местоимениями в катафорической функции, различными средствами дейксиса, дискурсивными словами, что обеспечивает ретроспекцию и проспекцию развертывания темы.

The article analyses the means of cohesion in documents of general character. The research material is the mid-18th century certificates and passports kept in the «Ataman of Michailovskaya Stanitsa» Fund of the Volgograd Regional State Archive. It is established that the texts of certificates and passports are different in their choice of cohesion means in the text. The certificates are characterized by a specific means of cohesion – the repetition of the names of the responsible persons in the initial and final paragraphs of the document. The specificity of the certificates textual modality makes them focused on an event in the past, which means that retrospect of the text is enhanced. At the same time, connectivity between text fragments is provided by anaphoric pronouns and deictic means. The peculiarity of the passport is that it is intended to present the document in the future and implies the availability of more information, for this reason the passport texts are more narrative, and characterized by retrospect and prospect. This implies a wider composition of the means of cohesion: lexical repetitions, pronouns in the cataphoric function, various deixis means, and discursive words.

Ключевые слова: русский язык, история делового языка, региональные документы, текст, жанр, когезия.

Keywords: the Russian language, history of official language, regional documents, text, genre, cohesion.

Введение

Развитие лингвистической мысли открывает для ученых возможность под иным углом взглянуть на привычные объекты исследования. На этот факт обращают внимание О. А. Горбань и Е. М. Шептухина, отмечая, что «перед исследователями текстов предшествующих эпох, и в частности XVIII в., ставятся новые задачи с позиций современной

лингвистики и ее новых направлений, хотя не утрачивают своей значимости и традиционные подходы» [4, с. 77]. В этой связи актуальным представляется изучение региональных документных текстов более ранних эпох с применением подходов лингвистики текста. Деловая письменность с таких позиций остается практически неизученной, имеются лишь немногочисленные работы последних лет, посвященные реализации некоторых текстовых категорий в отписках, челобитных, войсковых грамотах — например, [2; 3; 10; 11; 14; 16–18].

В центре нашего внимания находится связность (когезия) документного текста. Для настоящего исследования представляется наиболее приемлемым определение связности, данное М. П. Котюровой: связность — это лингвистическая функционально-семантическая категория текста, «выражающая информативно-логическую последовательность высказываний посредством использования системы единиц всех уровней языка и определенных способов употребления этих единиц, выступающих в функции средств выражения этой категории» [9, с. 152]. Анализируя проявление когезии в документных текстах XVIII в., мы опираемся на достижения отечественной лингвистики текста [1; 5; 9; 15], но учитываем при этом, что ее терминологический аппарат был разработан на материале современных художественных, научных и публицистических текстов [13].

Работа выполнена на материале скорописных документов 1734–1753 гг., хранящихся в фонде «Михайловский станичный атаман» Государственного архива Волгоградской области [19]. В наших предыдущих публикациях в аспекте реализации связности текста были охарактеризованы войсковые грамоты [2]. Цель данной статьи — выявить средства, обеспечивающие когезию текста, в расписках и пашпортах, которые квалифицируются как документы удостоверительного характера, поскольку являются официальной фиксацией юридического факта — наличия правовых отношений или совершения правомерных действий. Актуальность работе придает тот факт, что жанры деловой письменности, относящиеся к удостоверительной документации, в отличие от распорядительной, уведомительной, отчетно-исполнительной и просительной, не отличаются большой лингвистической информативностью [12, с. 70], а потому практически не выступают предметом исследований. Однако без описания таких жанров научное представление о реализации текстовых категорий в текстах документов было бы неполным.

Связность документного текста обеспечивается прежде всего, как отмечает М. В. Косова, упорядоченностью всех его формальных элементов [8, с. 14], а также лексическими, грамматическими и дейктическими средствами. Рассмотрим, как они реализуют когезию в расписках и пашпортах.

Средства реализации когезии в расписках

Необходимость фиксации возникающих юридических отношений между субъектами права (официальными и неофициальными, личными и коллективными) приводит к появлению такого жанра деловой

письменности, как расписка. Его бытование имеет давнюю традицию. Как показали исследования А. А. Зализняка, первые дошедшие до нас долговые расписки датируются XI в., они записаны на берестяных грамотах [6, с. 18].

В документах Войска Донского XVIII в. расписки представлены широко: 11 документов из 107 единиц (войсковых грамот, доношений, прошений, писем, сказок, рапортов, промеморий, реестров, предложений, указов и др.). Для наименования исследуемых нами документов использовались самоназвания *расписка* и *подписка*. Расписки фиксировали прежде всего финансовые отношения, а также регулятивные, охранительные и другие виды возникающих юридических отношений.

Когезия в этих документах обеспечивалась упорядоченностью формальных элементов текста, которая проявляется в последовательности расположения речевых конструкций, выполняющих функции реквизитов: адресант, описание правовых отношений, дата и место составления документа, визирование печатью. Тексты данного документного жанра могли направляться и «сверху вниз», и «снизу вверх», и «по горизонтали» (то есть их адресант мог быть и вышестоящим, и нижестоящим, и равным по отношению к адресату). В расписках середины XVIII в. сведения об адресанте, как правило, графически и синтаксически не выделены, а включены в структуру предложений, например: *1753г(о) году октября "1" дня Михайловскои станицы касакъ Прокофий Федотовъ ѿпредельень я... для покупки црковнымъ кирпичнымъ мастерамъ договорнаго числа запасу* [19, д. 9, л. 14]. Однако в некоторых расписках указание на адресанта выделено из текста: сведения о нем расположены в отступе после текста, выражающего основное содержание документа — см., к примеру, [19, д. 8, л. 43; д. 9, л. 39], что свидетельствует о формировании реквизита «адресант» и дискретной когезии документного текста.

Расписки — это тексты небольшого объема, однако когезия в них реализуется посредством разноуровневых языковых единиц.

Лексические средства. С точки зрения лексического наполнения тексты расписок середины XVIII в. однообразны: нарративный элемент отсутствует, адресант выражен именем собственным в сочетании с существительным, называющим должность, юридически значимые действия обозначаются глаголами передачи объекта, употребленными в личных формах (*принель, далъ*) или в формах кратких страдательных причастий прошедшего времени (*принять, принеты*).

Когезию обеспечивают повторы именованных ответственных лиц в начальной и конечной речевых формулах: *1753 году ноября 18г(о) дня воиска донскаго старшина Андреи Юдинъ дал сию расписку, Михайловскои станицы станицному атаману... старшина Андреи Юдинъ*¹ [19, д. 9,

¹ Здесь и далее при цитировании источников имена собственные даются с прописной буквы, выносные буквы приводятся в строке, титла раскрываются, вышедшие из употребления буквы передаются соответствующими буквами современного алфавита, союзы и предлоги пишутся отдельно с последующими словоформами, в остальных случаях сохраняются орфография и пунктуация скорописных оригиналов.

л. 39]; 1753г(о) году августа 24 дня мы нижеподписавшиися реки Медведицы Бьресовской станицы *станицною атаман Леонтеи Мачин старики и всея станицы касаки...* мы *станицною атаманъ Мачинъ старики и всеи станицы касаки ему касаку Шубину сию нашу подписку дали и станицною печатью утвердили* [19, д. 9, л. 3]. Такой повтор является специфическим средством связи, характерным для расписок.

Грамматические средства. Грамматическим средством связи в нашем материале служат анафорические местоимения, которые заменяют тематический компонент предшествующего текста. Так, изложение содержания расписок заканчивается устойчивыми оборотами, включающими местоимение: *в том сию ему Василию сию расписку дал за рукою мою Аксень Лаццилин* [19, д. 8, л. 44]; *в томъ сию и расписку церковныхъ управитель ктитѣру Аксону Лаццилину даль* [19, д. 9, л. 14]; *в чем мы ... нашу подписку дали и станицною печатью утвердили* [19, д. 9, л. 3].

Дейктические средства. Когезия в текстах расписок организуется посредством использования средств текстового дейксиса: *вышеписанные денги я означенной Федотовъ на вышеписанные принадлежности издержал* [19, д. 9, л. 14]; *с юня месеца по вышеписанное число* [19, д. 9, л. 39]. Как видим, такие языковые средства служат для отсылки к предшествующим фрагментам текста, то есть выполняют анафорическую функцию.

Итак, когезия в расписках создается посредством упорядочения формальных элементов текста, формирующих структуру документа, анафорических местоимений, средств текстового дейксиса, а также специфического средства — лексических повторов именованных лиц в начале и конце документа. Однотипность наполнения этих средств (как правило, это одни и те же лексические единицы) свидетельствует о стандартизации речевого воплощения жанра.

Средства реализации когезии в паспортах

В России паспорта (паспорта) появляются при Петре I, несколькими указами закрепившем систему контроля государства за передвижением населения, в соответствии с которой даже для перемещений из города в город или из уезда в уезд требовалось специальное разрешение [7, с. 40]. Для казаков паспорта служили в первую очередь путевым документом (ранее схожую функцию выполняла подорожная). Наличие паспорта свидетельствовало о том, что его владелец имеет право передвижения по территории Войска. В нашем материале представлено 7 документов этого жанра, в них используется самоназвание документа, имеющее варианты написания: *пошпортъ, пошпорт, пашпорт*.

Связность в паспортах реализуется также в упорядоченности всех формальных элементов текста, которые можно свести к такой последовательности: название, адресант, передаваемая информация, адресат, дата и место составления документа, визирование печатью. Применительно к паспорту сложно говорить о формуляре, потому что реквизиты, как и в расписках, не были выделены из текста, их функцию вы-

полняли устойчивые выражения в составе предложения. Часть документа, отвечающая за передачу конкретной информации, имеет строгую однотипную структуру.

Лексические средства. Элементы лексической системы языка служат средствами связи частей текста. Исследуемый материал репрезентирует наличие в текстах пашпортов лексических повторов: *пришли к нимъ в домъ женка вдовою Агафья Лукьянова... объявленная женка Агафья; вперед до будущаго разсмотрения отпущенъ для жити... для житя в другие станицы не отпущат; сего ради сеи паишпортъ взятьъ у него... у сего паишпорта наша Воиска Донскаго печат* [19, д. 9, л. 45]. Думается, что эти средства служат для обеспечения логики представления сведений, чтобы адресат не потерял нить изложения. Отметим, что в рассмотренных текстах неоднократно повторяется название документа.

Грамматические средства. Грамматическим показателем когезии в тексте пашпорта выступают союзы, например, начальный союз *а*: *а для верности у сего паишпорта наша Воиска Донскаго печатъ* [19, д. 1, л. 2]; *а покасанной Михаиловской станицы станицному атаману и казакам* [19, д. 8, л. 32]; *а вышеписанной Михаиловской станицы станицному атаману и казакамъ об отпуске ево ведать* [19, д. 8, л. 27].

Грамматическим средством, обеспечивающим когезию текста, является союзное слово *который*, выполняющее катафорическую функцию и служащее обеспечению проспекции изложения: *не помнющги родства Нил Ивановъ о которомъ старшина Никихфоръ Сулинъ присланною при репортъ скаскою представляет* [19, д. 9, л. 45]; *Тимофею Денисову которои высланъ был суда по воисковой грамоте* [19, д. 8, л. 27]; *казакам Якову Сокину Михаиле Лабанову Михею Плетневу которые привозили сюда порутьчика Башкина крестьянь* [19, д. 8, л. 32].

В пашпортах, в отличие от расписок, когезия обеспечивается употреблением дискурсивных слов. Так, частица *де*, выступающая в роли дискурсивного маркера чужой речи, является дополнительным грамматическим средством связности, обеспечивающим проспекцию изложения: *представляет что... назад де тому лет з дватцат и болей при живности отца их той же Богоевленской церкви свецънника Трафима Тимофеева пришли к нимъ в домъ женка вдовою Агафья Лукьянова бѣременна* [19, д. 9, л. 45]. Как видим, пашпорта середины XVIII в. характеризуются использованием синтаксически распространенных конструкций.

Дейктические средства. Начальная речевая формула рассмотренных пашпортов содержит указательное местоимение *сей*: *обявител(ъ) сего (обявителем сего)*, которое в данном случае заменяет название документа *пашпорт (поишпорт)*.

В исследуемых пашпортах частотны предложно-падежные конструкции *того ради, сего ради*: *и бѣз нашего воискового определения для житя в другие станицы не отпущат сего ради* и *сеи паишпортъ взятьъ у него иметь в станицном бѣреженіи* [19, д. 9, л. 45]; *отпущенъ в дом ево по прежнему того ради... чинить свободной пропускъ без сдержания* [19 д. 8, л. 39]. В приведенных примерах эти дейктические средства употребляются в анафорической функции.

В качестве средства связи в рассматриваемых текстах зафиксированы формы указательных местоимений *оный, тот*. Характеризуя их син-

тагматический потенциал, отметим, что они используются как отдельно в анафорической функции (*привозили сюда порутъчика Башкина крестьянъ и по принятии оных отпущены* [19, д. 8, л. 32]), так и в составе словосочетаний (*по свидетельству онои же станицы той же церкви диякона* [19, д. 9, л. 45]).

Кроме того, в текстах пашпортов применяются средства текстового дейксиса (канцеляризмы), отсылающие к уже названному и тем самым обеспечивающие смысловую связь фрагментов текста: *вышеписанной станицы* [19, д. 8, л. 50 об.], *вышеписаннаго сына ея* [19, д. 9, л. 45] и др.

Итак, связность в текстах пашпортов середины XVIII в. реализуется в упорядоченности всех формальных элементов текста, употреблении лексических повторов, местоимений в катафорической функции, средств дейксиса и дискурсивов.

70

Выводы

Расписки и пашпорты — жанры, относящиеся к документации удостоверительного характера. Несмотря на общую направленность документов, они имеют различия в реализации когезии.

Расписки середины XVIII в., эксплицируя наличие правовых отношений, содержат такое специфическое средство выражения связности, как повтор именованных ответственных лиц (адресантов документов) в начальной и конечной речевых формулах. Служащие для отсылки к предшествующим фрагментам текста анафорические местоимения и средства текстового дейксиса, создавая когезию, обеспечивают ретроспекцию текста расписок, то есть реализуют связь с предшествующими фрагментами текста.

Пашпорты середины XVIII столетия, характеризуясь большим по сравнению с расписками объемом, содержат синтаксически распространенные конструкции, но вместе с тем часть документа, в которой передается конкретная информация, имеет однотипную структуру. Документы этого жанра характеризуются разнообразными, по сравнению с расписками, лексическими повторами, которые обеспечивают логику изложения юридически значимых сведений. Кроме того, в пашпортах используются местоимения в катафорической функции, а также разнообразные дейктические средства и дискурсивы. В отличие от расписки, средства когезии, используемые в пашпортах, обеспечивают ретроспекцию и проспекцию текста, то есть создают перспективу развертывания темы.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №19-012-00246 «Параметризация текстов как основа создания лингвистического корпуса документов XVIII – XIX веков канцелярий Войска Донского».

Список источников и литературы

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
2. Герасимова И. С. Средства реализации когезии в региональных документах середины и конца XVIII века // Научный диалог. 2017. №12. С. 60–73.

3. Горбань О.А. Динамика реализации категории текстового пространства в региональных документах XVIII века // Научный диалог. 2016. №12. С. 74–87.
4. Горбань О.А., Шептухина Е.М. Региональные документы XVIII века: аспекты лингвистического описания // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2013. №3 (19). С. 76–84.
5. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). СПб., 1999.
6. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
7. Конькова А.Ю. Документы, удостоверяющие личность, в Российской империи // Научный вестник Крыма. 2017. №4 (9). С. 35–42.
8. Косова М.В. Жанровые параметры паспорта середины XVIII века (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2019. №2. С. 7–16.
9. Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. Красноярск, 1988.
10. Леонова Ю.Ю. Языковая объективация просьбы в челобитных XVII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013.
11. Любимова Н.С. К вопросу о некоторых языковых особенностях региональной деловой письменности XIX века (на материале архивных документов Астраханской области) // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2010. №1. С. 325–327.
12. Майоров А.П. Очерки региональной деловой письменности XVIII века. М., 2006.
13. Милевская Т.В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты). Ростов н/Д, 2003.
14. Руднева С.Ф. Сибирские отписки конца XVI – второй половины XVIII вв. в аспектах исторической стилистики и лингвистики текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сургут, 2010.
15. Сребрянская Н.А. Дейксис и его проекции в художественном тексте. Воронеж, 2005.
16. Шептухина Е.М. Речевая репрезентация сферы субъекта войсковых грамот рубежа XVIII–XIX вв. // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2017. Т. 156, кн. 5. С. 1175–1186.
17. Шептухина Е.М., Горбань О.А. Войсковые грамоты середины XVIII века в аспекте категории модальности // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2015. Т. 14, №5. С. 7–18.
18. Шептухина Е.М. Герасимова И.С. Языковые средства реализации текстовых категорий в региональных деловых документах XVIII в. // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, кн. 5. С. 41–51.
19. Государственный архив Волгоградской области. Ф. 332 (Михайловский станичный атаман). Оп. 1. Д. 1–9.

Об авторе

Ирина Сергеевна Герасимова – асп., Волгоградский государственный университет, Россия.

E-mail: ari-19@yandex.ru

The author

Irina S. Gerasimova, Postgraduate Student, Volgograd State University, Russia.

E-mail: ari-19@yandex.ru